

МЕНЬШИКОВ И НАРЬЯН-МАРСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ...

Недавно я получил для библиотеки Народного театра четвертый том «Краткой литературной энциклопедии». На одной из страниц нашел небольшую, но очень емкую статью о Иване Меньшикове.

Меньшиков... Вспомнился Нарьян-Мар тридцать девятого года. Сутробы снега почти до второго этажа. В редакции чуть ли не каждый вечер, в первый день недели обязательно, страстные споры о поэзии, обсуждение рассказов. Когда в театре выходной, и я непременный участник этих вечеров, литературных понедельникков.

В гортатеатре — так именовался наш профессиональный коллектив, он размещался в здании, где сейчас музей — был в разгаре первый сезон. Здесь, а в редакции газеты чаще, я встречался с человеком неиссякаемой энергии, комсомольцем Ваней Меньшиковым.

...Передо мной пьеса «Тайна ледяного дворца». Это — пьеса-легенда на ненецкие темы, которую написал Иван Меньшиков. Александр Михайлов в книге «Север в литературе» пишет: «Покалуй, самое поэтическое произведение Ивана Меньшикова, до сих пор еще не оцененное критикой — «Легенда о Таули из рода Пырерка». Тогда, вскоре после «Легенды», Меньшиков написал еще пьесу об этом же герое — руководителе ненцев, восставших против угнетателей — царевых слуг. Незадолго до Отечественной войны Иван Николаевич читал ее коллективу Нарьян-Марского драматического театра.

Михайлов пишет, что пьеса была хорошо встречена. Работу над ней писа-

тель должен был завершить в ближайшие месяцы, но война помешала довести дело до конца. Театр был закрыт. Меньшиков весь отдался оперативной газетной работе. К сожалению, до сих пор не удалось разыскать рукописи этой пьесы. Как человеку, причастному к этой истории, мне хотелось бы дополнить краткую запись Михайлова некоторыми подробностями.

Разговор о пьесе начался еще в тридцать девятом году и неоднократно возобновлялся. Я, как директор и художник театра, не давал покоя Меньшикову, не только потому, что театру нужна была своя пьеса, на свою тему, но еще и потому, что к этому времени мне удалось организовать национальную труппу при театре, объединив в нее выпускников годичной студии, созданной в 1937 году в Ленинграде, и еще несколько способных ребят и девиц коренной национальности. Всего в труппе было двенадцать человек.

Наконец, когда Меньшиков дал согласие, с ним был заключен официальный договор. Пьеса была написана, кроме театра, слушалась и обсуждалась на партийном активе. В начале сорок первого года я, как режиссер, уже смог приступить к работе над пьесой. Молодой художник Саша Горелкин (он погиб в первый год войны) сделал черновые эскизы оформления спектакля. В музее мы отобрали экспонаты, которые можно было использовать как образчики для изготовления костюмов, оружие, предметы быта и т. д. Вся работа проходила при участии автора, который вместе с твор-

ческим составом театра продолжал совершенствовать пьесу. Помню, в одном из первых вариантов было пять актов и около сорока действующих лиц, в одном из последних, по которому уже были распределены роли, осталось три акта, а число действующих лиц сократилось до двадцати шести.

В эти годы театр работал без летних перерывов. Спектакль намечали выпустить к двенадцатой годовщине образования Ненецкого национального округа — к 15 июля 1941 года. Но война...

В театре пьеса была в одном экземпляре. Сейчас текст ее находится где-то в Нарьян-Маре, либо в каких-то тайных запасниках музея, либо у кого-то на руках. Откликнитесь, товарищи! Кто знает что-нибудь о пьесе Меньшикова? Называется она «Легенда о Вауле Пиэтомине».

Иван Николаевич был большим другом нашего театра, бывал не только на всех спектаклях, но с большой искренностью и благожелательством выступал на производственных собраниях, обсуждениях, генеральных репетициях, писал рецензии. У меня сохранились две вырезки из «Нарьяна вындер». Одна, за 20 июля 1939 года. Это впечатления Меньшикова о спектакле гортатеатра «Огни маяка». Очень толковый, почти профессиональный критический разбор заканчивается советом: «Подводя итоги этой постановки гортатеатра, приходишь к выводу, что актерский коллектив его сможет разрешить серьезные творческие задачи, но для этого необходим хороший и твор-

ческий разговор не только на производственных совещаниях актеров, но и на конференциях зрителей».

А ровно через месяц, 20 августа тридцать девятого года, Меньшиков написал в «Нарьяна вындер» рецензию на другой спектакль театра, на этот раз по пьесе Островского «На бойком месте». Суждения автора статьи о спектакле резко отрицательны и снова сопровождаются призывом: «Заканчивая эту рецензию, хочется еще раз возвратиться к разговору о творческом лице нашего театра. Коллектив театра не должен походить на безликую труппу, в которой пьесы бы шли, зрители смотрели, не унося в своих сердцах ни крупишки дорогого металла, именуемого поэзией».

И еще одно воспоминание о Меньшикове, о его настойчивости и твердом слове: сказал — сделал! Как-то вечером зашла речь о центральных газетах и возможности рассказать в них о нашем театре. На мое замечание о невозможности и бесполезности подобного затеи, Иван Николаевич ответил: «Будет материал о Нарьян-Марском театре в газете «Известия». Действительно, в июле сорокового года на третьей полосе читали о «самом северном театре»...

В 1965 году, через 25 лет, я долго стоял в центральном Доме литераторов в Москве, перед мемориальной доской, на которой среди имен писателей, погибших в годы Великой Отечественной войны, увековечено и имя Ивана Меньшикова.

М. НЕМЧИН.